

ЕЛЕНА ТУЛУШЕВА

ВЕСНА. КАРАНТИН

Вот уже второй месяц каждое утро, когда я открываю глаза, надо мной склоняются стены чужого дома. Бордовые занавески, не по-домашнему скроенная спальня, без фотографий на стенах и любимых вещей, отельного типа гостиная с современной чёрной мебелью, кухня, как будто бы не по-русски сиротливая – без духовки, где бы могли печься домашние пироги, заполняя уютным ароматом все щели. За окном не слышно любимого лязга московских трамваев, а только сонная тишина провинциального города. Это хороший город, великий город, у него даже имя в честь самой гордой птицы – Орёл.

Орёл – город древний и пострадавший, а сейчас дышащий и растущий. Здесь много цветов и скверов, прекрасный лес с вертлявыми любопытными белками, а прямо у подъезда дома расстилается набережная реки Орлик – широкая, мощёная. Так по-европейски здесь смотрятся редкие бегуны и собачники. Выйдешь ночью – с другого берега из парка доносятся пение птиц и кваканье лягушек. Приглядишься – а рядом с тобой копошится в траве семейство ежей, абсолютно тебя игнорируя. Это очень красивый город. И он дал мне в эти два месяца много свободы, много воздуха, много впечатлений. Но это чужой город.

Мой родной город грустит без меня. Впрочем, наверное, на грусть у него нет времени. Он весь съёжился, насторожился, и замереть совсем, застыть в напряжённом ожидании не может. Оттого он продолжает суетиться, что-то делать, но как будто всё пустое, всё не то. Так ждущие в тревоге возвращения близких хватаются за всё подряд в доме, не доделывая ни одного дела до конца, просто так, чтобы хоть как-то отвлечься. И мой город не знает, за что браться. Карантин прошёлся по нему неравномерно. Извержение вулкана слизывает город целиком, заливая раскалённой лавой и жалкие лачуги, и особняки; пожар языками пламени окрашивает без разбору целые улицы, грабители и мародёры вытаскивают всё, что найдут, не жалея ни дома, ни музеи.

А сейчас у нас какая-то другая диковинная напасть – её не увидеть, не пощупать. Она зашла в мой город и странно подтачивает его лишь в определённых местах, как моль разрушает старинное платье под недоглядом неопытной костюмерши театра. Жизнь города ушла с улиц в интернет и в телевидение. И через призму этого зеркального пространства разыгрывается какой-то

Елена ТУЛУШЕВА — один из самых заметных молодых прозаиков. Дебютировала в 2014 году в журнале "Наш современник". С тех пор выпустила три книги прозы. Стала лауреатом V, VII и IX Международных форумов славянских литератур "Золотой Витязь" (2014, 2016, 2018), премий "Югра" (2017), "Прохоровское поле" (2017), "Северная звезда" (2015), российско-итальянской премии "Радуга" (2017), премии им. Н.С. Лескова "Очарованный странник" (2018). Произведения переведены на французский, немецкий, итальянский, китайский, арабский, венгерский и др. языки. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

безумный средневековый маскарад, где в смеси гебефренического смеха и предсмертных рыданий не разобрать ни целей, ни смыслов. И с каждым днём карантин те, кому было и так тяжело, пригибаются всё ниже, а те, кто оказался на гребне волны, смеются всё громче и жутче.

Мой город смотрит на мир пыльными витринами магазинов, погасшими вывесками кафе, замурованными входами музеев. Мой город продолжает красить лавки в скверах и менять бордюры, набивая кошелек тем, у кого он никогда не бывает пуст.

Карантин запер в Москве за бетонными стенами детский смех, выпустил на улицы бесконечные вереницы курьеров, развозящих муляжи радости, угрозами засадил стариков в их одинокие жилища. Я и с закрытыми глазами могу представить всё то, что сейчас происходит дома, но открывать глаза в такой город мне не хочется. И потому я второй месяц здесь, где люди продолжают смеяться на скамейках у дома, где каждое утро на речном пляже уже знакомый мне старичок ходит по колену в воде, чтобы укреплять сосуды, не смущая ленивых, греющихся на солнце уток.

Я стараюсь не читать новостей, но мои клиенты каждый день говорят мне по видеосвязи о том, что происходит в моём городе. Моя работа – слушать о чужих проблемах. Обычно к психологам не приходят с чем-то хорошим, но мы вместе ищем выход, клиенты двигаются вперед, со временем делятся своими успехами, и тогда я ощущаю ценность своей работы. Но за эти два месяца мне кажется, что я слышу только о тоске, грусти, одиночестве. Моя работа – поддерживать тех, кому плохо. Увы, сейчас я и сказать-то им не могу, что скоро всё наладится, потому что не знаю, когда для каждого из них наступит это “скоро”. Я могу лишь вместе с ними искать точки опоры, искать ресурсы в себе и вовне. Возвращать им ценность того, что есть, вспоминать то, как много они уже прошли.

Мои клиенты не потеряли работу, не потеряли свой дом. Полагаю, что они потеряли радость. Все эти лавиной обрушившиеся предложения интернет-развлечений никак не могут заменить им того, что грело. Видео самых прекрасных спектаклей никогда не заменят той энергии, которую чувствуешь от актёров со сцены. Онлайн-концерты не сравнятся с живым звуком бесплатного концерта самой неизвестной группы в соседнем баре. А социальные сети и групповые марафоны не дадут и десятой части того тепла, которое даст пара часов прогулок с друзьями. И это страшно, что мы можем потерять радость так легко и быстро. Но страшнее то, что и потом, когда всё закончится, мы быстро забудем обо всех своих обещаниях, данных в период карантина из серии: чаще навещать родителей, вывезти детей на море, не пропускать дни рождения друзей, выбираться раз в месяц на природу...

Мы, конечно же, прорвёмся и будем дальше жить, и мир, увы, будет прежним во всём своём антигуманизме. Закроются сотни кафе и семейных булочных, но откроются сотни новых, просто с другими владельцами. Тысячи людей снова будут голодать, а тысячи других так же будут заливать ванны шампанским. Повеселившись и обнявшись со всеми своими близкими, мы скоро вновь потонем в пространстве социальных сетей, фальшивых селфи и глуповатых видеороликов.

Однако всегда есть тот, кто своим маленьким поступком меняет баланс этого мира. И мне хочется верить, что все, кто неожиданно заботливо проявил себя в это нелёгкое время, запомнят это чувство наполненности от того, что сделал что-то для близкого или совсем чужого. Я не верю в большие масштабные реформы и призывы, но я верю в силу одного человека. Изменения происходят только из суммы крохотных движений, которые совершаются не благодаря закону или призыву, спущенному сверху, но лишь благодаря работе души.

Пусть процент тех, кто делал что-то бескорыстно, очень мал, но ведь многие из них начали делать это впервые. Всё, что я могла за эти пару месяцев, – оплатить закупку корма для собачьего приюта, перевести деньги хоспису, отправить посылку книг в сельскую библиотеку, а ещё – чаще звонить родным да честно работать, чтобы пусть всего нескольким людям, но стало легче в эти два месяца.

И надеюсь, что когда-нибудь после всей этой бесконечной потерянности я открою глаза утром, увижу родные стены и с улыбкой подумаю: как много изменилось в мире, как же прекрасно! В конце концов, можно же и пометать на карантине.